ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА НА НОВОМ ЭТАПЕ

Н.А. МАКАШЕВА

Экономическая наука после кризиса: что изменится?

Автор анализирует современное состояние мировой экономической науки после кризиса 2008 г. Рассматриваются процессы как внутри самой науки, так и в ее взаимоотношениях с текущей экономической политикой, с действиями отдельных акторов в реальной экономической ситуации, включая этические аспекты этих взаимоотношений. Делаются предположения о путях дальнейшего развития экономического знания.

Ключевые слова: экономическая наука, научный кризис, экономический кризис, мейнстрим экономического знания, мир экономики.

The author analyzes the state of world economic science after the crisis of 2008. Considered are the processes within science itself, its relations with the current economic policy, the actions of individual actors in the real economic situation, including the ethical aspects of these relationships. Assumptions are made about ways of further development of economic knowledge.

Keywords: economics, science crisis, economic crisis, the mainstream of economic knowledge, the world economy.

Пытаясь оценить долгосрочные перспективы капиталистической экономики на фоне кризиса 1920–1921 гг., Дж. Кейнс писал: “Никто не знает наверняка, находимся ли мы в нижней точке обода колеса истории, которое со временем вынесет нас вверх, или мы оказались в начале длительного периода стагнации” [Keynes, 1977, p. 243]. Подобный вопрос всегда актуален в периоды кризиса. Однако теперь он может быть обращен и к экономической науке, состояние и перспективы которой сегодня волнуют как профессиональное сообщество экономистов, так и широкую общественность.

Об экономической науке в современном мире: историческая перспектива

Сегодня с полным основанием можно утверждать, что современная экономическая наука не только исследует экономический мир, но в немалой степени его формирует. Как писал более 40 лет назад К.Боулдинг, “наука движется от чистого знания в сторону контроля, иначе говоря, в направлении реализации того, что она знает...” [Boulding,

Макашева Наталья Андреевна – доктор экономических наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, заведующая отделом экономики Института научной информации по общественным наукам РАН.

1969, p. 3]¹. По мнению Боулдинга, это утверждение справедливо для любой науки, но в отношении экономической – в высшей степени.

С момента своего возникновения экономическая наука была тесно связана с практикой, хотя в разное время и в разной степени. Важнейшие изменения в этом отношении имели место в XX в., когда связь между экономической наукой и миром экономики чрезвычайно усложнилась. Произошло это не только потому, что были предложены новые способы воздействия на экономику и сформировались новые представления о задачах, которые должна решать власть, но и потому, что объекты воздействия – экономические агенты, теперь обладают весьма значительными экономическими знаниями и информацией, в изобилии поставляемой экономистами. И сегодня политики уже не могут игнорировать обратные эффекты воздействия предпринимаемых мер, иными словами, свободная воля граждан становится фактором политики. Например, экономическим властям приходится учитывать то, что решения людей зависят от ожиданий относительно будущих мероприятий экономической политики, а власти, со своей стороны, вынуждены принимать во внимание ожидания людей относительно политических решений и учитывать, как их сегодняшние решения могут повлиять на их же решения в будущем [Chari, Kehoe, 2006].

Активная созидательная роль экономической науки теперь все в большей степени осознается как экономистами, так и обществом в целом. Признавая за экономической наукой право, равно как и обязанность, давать советы и направлять политику, общество ожидает от нее не только надежных прогнозов, но и своевременной реакции на угрозы. Вполне закономерно, что в этой ситуации экономические **кризисы воспринимаются как вызов не только политикам, но и экономистам, экономической науке в целом.**

Сегодня стали общим местом обвинения в кризисе 2008–2009 гг. не только плохих политиков, алчных финансистов и недалководидных законодателей, но и экономистов. В адрес последних высказываются упреки (обоснованные или не очень) в профессиональной некомпетентности и даже в неэтичном поведении. Более того, речь идет уже не только о поведении экономистов, но и качестве тех идей, которые они предлагают обществу. Весьма показательно в этом отношении следующее высказывание: “...источники этого кризиса находятся в области идей. И хорошо известно, что в этом отношении идеи экономистов особенно опасны” [Galbraith, 2011, p. 37].

Разумеется, вряд ли идеи экономистов – главная причина кризиса, но то, что при их участии в обществе были созданы представления о возможностях до известной степени управлять экономическими процессами, основываясь на достижениях экономической науки, не вызывает сомнения. Поэтому сегодня и ставится вопрос о надежности знания и инструментов, которыми владеют экономисты. Острая критика экономической науки и ее представителей непосредственно вызвана тем, что кризис стал неожиданностью не только для общества, но и для экономистов, не видевших его даже тогда, когда, казалось, все его признаки были уже налицо. Признавая эту критику отчасти обоснованной, нельзя не учитывать, что подобные претензии связаны не в последнюю очередь со сложившимися в обществе и в профессиональной среде высокими ожиданиями относительно возможностей науки и политики.

Прочная вера в экономическую науку сформировалась за несколько послевоенных десятилетий, когда рост благосостояния и отсутствие серьезных кризисов (когда еще была жива память о Великой депрессии) воспринимались как следствие политики и правильной теории, на которой она основывалась. Экономическая наука стала восприниматься как настоящая наука и одновременно признавалась ее особая общественная значимость.

¹ Эта позиция Боулдинга вполне согласуется с идеей перформативности, которая в 1955 г. была высказана философом Дж. Остином применительно к языку, а затем уже в 1990-е гг. получила признание среди экономистов, социологов и методологов. События 2000-х гг., очевидно, дали дополнительный толчок исследованиям в этом направлении (см., например, [Do Economists... 2008]).

Из всех общественных наук только экономической присуждается аналог Нобелевской премии, установленной для естественных наук. Сам факт, что ее стали присуждать с 1968 г., то есть в период, когда экономика и экономическая наука были на подъеме, свидетельствует о признании научного статуса этой дисциплины. Причем утверждению представлений об особом месте экономической науки в ряду других общественных дисциплин активно способствовали и сами экономисты, сознательно или нет стремившиеся занять в обществе и политике особое место. Сегодня экономисты не видят себя в роли скромных, компетентных специалистов, вроде стоматологов, о чем, как о положительной перспективе, писал когда-то Кейнс [Кейнс, 2009, с. 67]. Экономисты активны и вовлечены в процесс устройства нашего мира и воздействуют на наши представления о нем.

Общее стремление к поддержанию высокого авторитета науки не исключало, конечно, разногласий среди экономистов. Более того, в послевоенные годы можно наблюдать колебания в отношениях между представителями различных школ и направлений: от относительного согласия к обострению разногласий и обратно. Причем эти колебания происходили и под влиянием внешних обстоятельств, и в силу внутренних процессов.

Во всей истории экономической науки самым ярким примером влияния внешних факторов естественно считать Великую депрессию – важнейший фактор формирования кейнсианства. Однако было бы чрезвычайным упрощением не учитывать процессов, происходивших в тот период внутри науки. Известно, что некоторые важные для формирования кейнсианства идеи были высказаны Кейнсом и другими учеными до Великой депрессии. Важную роль в становлении этого направления сыграли достижения некоторых других дисциплин, например статистики и математики. Нельзя не учитывать и того, что с середины 1920-х гг. до начала Второй мировой войны наблюдалась необыкновенная творческая активность, ознаменованная существенными достижениями в области чистой теории, не связанными непосредственно с внешними обстоятельствами, но изменившими сам характер экономической науки [Shackle, 1967, р. 5]. Что же касается маржиналистской революции, то найти для нее сколько-нибудь убедительную причину в экономической реальности вообще вряд ли возможно, за исключением, пожалуй, влияния других наук, например психологии.

1950-е–конец 1960-х гг. были временем относительного согласия среди экономистов, выразившегося в утверждении неоклассического синтеза, сложившегося в результате взаимных уступок неоклассиков и кейнсианцев. Это привело, в частности, к разграничению между микро- и макроэкономикой (и, соответственно, “разделению труда” между кейнсианцами и неоклассиками), были признаны провалы рынка и возможность их устранения посредством экономической политики, направленной на стимулирование совокупного спроса, и т.д.

В 1970–1980-е гг. достигнутый ранее консенсус разрушился под влиянием внешних обстоятельств, а также ряда нерешенных теоретических проблем, и неоклассика до известной степени отыграла позиции у кейнсианства, причем как в области теории, так и в сфере практической политики и идеологии. Доминирующие позиции в теории завоевала новая классика, или новая классическая макроэкономика, опирающаяся на строгие гипотезы эффективности рынка и рациональности. В политике и прикладных исследованиях заметную роль стал играть монетаризм, а в идеологии вновь обрела популярность либеральная доктрина.

Однако отступившее кейнсианство продолжало развиваться и трансформироваться. Кейнсианцы признали необходимость более развитой микроэкономической основы макроэкономики, важность проблемы поведения агентов в условиях неопределенности. Были учтены и другие обстоятельства, выпавшие из рассмотрения в варианте кейнсианства, основанном на модели ISLM. Кейнсианцы обратились к исследованию механизмов, обусловивших различного рода жесткости, признали возможность инфляции до достижения полной занятости, изменили представление об эффективности денежной политики и т.д. Со своей стороны, некоторые представители новой классики

сделали определенные шаги в сторону коррекции строгих гипотез эффективности рынков и рациональности. Они признали неполноту расчистки рынков (*imperfect market clearing*) и необходимость исследовать причины возникновения подобной ситуации. Для этого пришлось включить в рассмотрение различного рода факторы, в том числе институциональные. Последние рассматривались, например, как возможная причина того, что цены длительное время могут отклоняться от значений, обусловленных фундаментальными переменными. Это означает, в частности, что рациональные инвесторы могут достаточно долго двигаться в русле сложившегося тренда, и этот тренд не будет подвергаться корректировке, создавая угрозу серьезного кризиса.

Разумеется, оставались и последовательные приверженцы гипотез эффективности и рациональности, хотя и допускавшие их более широкую интерпретацию (так, например, поступали некоторые экономисты из Чикаго). Практическим следствием приверженности указанным гипотезам стало не просто положительное отношение к изменениям, происходящим на финансовом рынке в 1990–2000-х гг., в частности к появлению новых производных инструментов, но и реальное ослабление регулирования этого рынка.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, важное для понимания роли экономических идей и обращающее нас к идее перформативности. Представление о том, что финансовые рынки всегда устанавливают правильные цены, завоевало умы практиков, прежде всего менеджеров компаний, понимавших свою задачу исключительно как увеличение рыночной капитализации своей компании. При этом в рамках сложившейся рыночной философии эта задача фактически стала восприниматься не только как отражающая частный интерес, но и как социально значимая, то есть она получила и моральное оправдание. Таким образом, экономическая теория оказала влияние и на общественную мораль.

Тенденцию к взаимным уступкам и новому консенсусу, “новому” неоклассическому синтезу, который часто называют “новым денежным консенсусом (*a new monetary consensus*)” [Wray, 2011⁶, p. 5], в значительной степени поддерживали развитие формального инструментария, использование новых возможностей и методов моделирования. Инструментарий занял столь важное место, что идеологические различия отошли на второй план. Разногласия между экономистами, если иметь в виду прежде всего теоретиков, касались главным образом таких вопросов, как возможность применения тех или иных моделей, характер предпосылок, качество эмпирической базы и т.д. Подобные вопросы обсуждаются в рамках профессионального сообщества узкими специалистами и далеко не всегда понятны даже экономистам, не говоря уже о широкой публике. Подобная ситуация характерна для любой развитой науки, и в этом отношении экономика демонстрирует известную зрелость.

Сложившийся консенсус способствовал представлению о состоянии науки и ее перспективах как вполне хороших. Ситуация, казалось, напоминала золотые годы неоклассического синтеза. Можно найти немало оптимистических высказываний по этому поводу. “Состояние экономической науки в целом и макроэкономики в частности было хорошим” [Blanchard, 2007]². “Примерно за 10 лет до кризиса макроэкономисты опять, казалось, знали, что они делают. Их представления воплотились в новом типе работающих моделей экономики, названных динамическими стохастическими моделями общего равновесия (DSGE)” [The State...2009].

Крепла убежденность, что макроэкономика способна давать надежные ориентиры экономической политике, поскольку, как писал Р. Лукас, “с точки зрения практики ее

² Например, фраза О. Бланшара стала очень популярной среди критиков современной макроэкономики как свидетельство некомпетентности макроэкономистов. На самом деле Бланшар в соответствующей работе сдержанно высказывался о будущем макроэкономики и не преувеличивал ее возможностей, в том числе и в области прогнозирования. Хорошее состояние макроэкономики он понимал скорее как ситуацию, когда идет сближение позиций, расширяются возможности использования достижений других наук, хорошие перспективы имеет развитие формального инструментария и т.д., нежели как положение, когда все проблемы уже решены.

центральная проблема преодоления депрессии уже решена и решена на многие десятилетия” [Lucas, 2003]. В таких условиях отношение общества к экономистам характеризовалось высокой степенью доверия, причем, как писал в 2009 г. журнал “Экономист”, “экономисты считались заслуживающими большего доверия, чем политики” [The State... 2009].

Экономисты, конечно, ощущали свою ответственность, но понимали ее прежде всего как ответственность перед профессиональным сообществом за качество теоретических и эмпирических исследований. Сторонники “денежного консенсуса” были убеждены, что “обнаружили абсолютную истину, и отказывались иметь дело с теми, кто думали иначе, считая их в большей или меньшей степени врагами” [Samuels, 1995, p. 345].

Как известно, “доверие побуждает брать на себя риски. И это справедливо не только для финансовых рынков, но в отношении подверженной моде академической среды” [Galbraith, 2011, p. 38]. В данном случае речь идет об интеллектуальном риске, который берут на себя экономисты, полностью убежденные в качестве своих инструментов и надежности полученных выводов, хотя невнимательно относящиеся не только к урокам истории³, но и к аргументам тех, кто высказывали иные суждения. Этот риск в полной мере реализовался в условиях кризиса.

Разрушение консенсуса и проблема ответственности экономистов

Кризис породил волну недовольства широкой публики состоянием дел в экономике. Современные средства коммуникации позволили подобным настроениям выплеснуться наружу. Все это привело к тому, что вопросы, касающиеся экономической науки, профессиональной деятельности экономистов, стали предметом обсуждения общественности. Экономисты были вынуждены оправдываться. Внутри экономического сообщества усилились разногласия. Оказалось, что достигнутое ранее согласие весьма хрупкое. Консенсус стал разрушаться, а “для внешнего наблюдателя эта какофония оказывалась еще одним свидетельством бесполезности профессии” [Financial... 2009].

Возник целый ряд вопросов, как адресованных экономистам извне, так и поставленных ими самими. Почему экономисты не смогли предсказать кризис? Должны ли они, подобно политикам, нести ответственность за кризис? Являются ли экономические теории заслуживающими такого большого доверия, как утверждали экономисты? Что представляет собой знание, которое дает экономическая наука? Что должно измениться в экономической науке, чтобы впредь подобная ситуация не возникала?

Нет ничего удивительного в том, что были предложены совершенно разные ответы на эти вопросы. Одни экономисты (прежде всего представители чикагской школы и новые классики) по-прежнему считают, что основания экономической теории в принципе правильны и ее исходные гипотезы незыблемы. Именно последовательные сторонники гипотез эффективности рынка и рациональности были подвергнуты наиболее жесткой критике. Р. Лукаса, Е. Фаму, Дж. Кохрейна, О. Бланшара и др. обвинили в высокомерном пренебрежении реальными проблемами, излишней формализации исследований, неспособности критически относиться к накопленному знанию и инструментарию. Со своей стороны, эти экономисты отстаивали справедливость своих базисных теоретических принципов и упрекали практиков в плохом применении их моделей.

Существует довольно многочисленная группа тех, кто считают, что экономическая наука, ее теоретическая часть и базисные модели должны быть модифицированы. Например, следует ослабить базисные гипотезы и уделять больше внимания различ-

³ Показательно, что, согласно опросу преподавателей макроэкономики из 18 стран, проведенному в университете Сент-Галена, после кризиса произошло повышение интереса к экономической истории, что нашло отражение в структуре учебных курсов [Gärtner, Griesbach, Jung, 2011].

ного рода несовершенствам и жесткостям, допустить возможность отклонения поведения агентов от принципов рациональности, большее внимание уделить конкретным, частным проблемам, признать, что финансовый сектор – не просто канал передачи ресурсов, но и активный игрок (см., например, [Финансовый... 2010, Woodford, 2009; Caballero, 2010]).

Более радикальной точки зрения придерживаются известный методолог экономической науки Т. Лоусон, а также некоторые представители австрийской школы, заявившие, что не только теоретические основы и исходные гипотезы экономической науки сомнительны, но ошибочна сама методология, то есть принципы получения экономического знания и представление о нем [Lawson, 2009].

Весьма показательно, что высокую активность в обсуждении состояния экономической науки и критике академической науки проявили представители старшего поколения экономистов, признанные авторитеты в области экономической теории, которые в ряде случаев заняли крайне жесткую позицию⁴. Причем речь не шла о критике формального подхода как такового или математизации экономической теории. Действительно, было бы странно ожидать этого, например, от К. Эрроу или Р. Солоу. Однако они, а также Дж. Стиглиц, П. Кругман и ряд других известных экономистов сочли необходимым напомнить о важности социальной перспективы рассмотрения экономических процессов, об опасности чрезмерной специализации науки и безграничной веры в сконструированные самими же экономистами модели, которые порой воспринимались не как инструмент анализа, а как отражение действительности, хотя и упрощенное. Они же поставили вопрос об ответственности экономистов не только перед профессиональным сообществом, но и перед обществом в целом.

Было бы неверно утверждать, что в истории экономической науки вопрос о социальной ответственности экономистов и влиянии запросов общества на развитие теории не возникал. Так, даже если не касаться этических рамок, определенных философией Дж. Мура, нельзя не учитывать, что изменение временной перспективы анализа у Кейнса было связано с необходимостью исследовать важную с точки зрения общества (но не теоретиков-экономистов) проблему – вынужденной безработицы. Более того, само понятие вынужденной безработицы возникло и обсуждалось в рамках краткосрочного анализа.

Однако сегодня проблема ответственности экономистов перед обществом приобрела несколько иной оттенок и другой масштаб. Прежде всего речь идет об осознании того, что экономисты должны критически оценивать возможности своей науки и не пытаться убеждать общество в абсолютной надежности экономического знания и исключительных возможностях своей науки. Им вменяется в вину, что используя обширный арсенал различных средств, они сознательно или неосознанно создавали в обществе впечатление, что предпосылки их моделей отражают свойства реальной экономики, а не являются лишь предположениями, часто вводимыми для *удобства* анализа. Им напомнили, что при использовании полученных выводов не всегда учитывался условный характер последних.

Иными словами, экономистов упрекают в том, что они недостаточно настойчиво напоминали, что утверждения о невозможности финансового краха основаны на *гипотезах* эффективности рынка и рациональности агентов, которые далеко не всегда отражают действительное положение вещей. Отсюда призыв к экономистам “информировать общество об ограниченности своих моделей и возможном неправильном использовании результатов своих исследований” [Финансовый... 2010, с. 13]. Более того, был поставлен вопрос и об объективности экономистов как ученых и даже об их научной добросовестности. Как отмечает, например, Стиглиц, экономисты в своих рекомендациях часто прямо или косвенно отражали определенные политические или

⁴ Так, в своей лекции в LSE в июне 2009 г. П. Кругман заявил, что макроэкономика последних 30 лет была “в лучшем случае впечатляюще бесполезной, а в худшем – определено вредной”.

экономические интересы, а также фактически проводили определенную политическую и идеологическую позицию [Стиглиц, 2011, с. 288].

Особенностью нынешней ситуации и, возможно, одним из последствий кризиса стал возросший интерес к тому, что и как исследуют экономисты. Ничего подобного не было не только во времена Великой депрессии, но еще 20 лет назад. Напомню, что Кейнс писал “Общую теорию” с целью убедить даже не политиков и тем более не публику, а профессиональных экономистов. В то время простые люди могли выражать недовольство политиками, финансистами, но не экономистами. Сейчас же экономисты вынуждены обращаться к общественности, обсуждать проблемы своей науки в популярных изданиях. Так, в сентябре 2009 г. Кругман в трех номерах “The New York Times” объяснял суть ошибок, совершенных экономистами, и пробелы в экономической науке [Krugman, 2009].

В июле 2009 г. журнал “Экономист” опубликовал ряд статей, посвященных состоянию экономической науки. В 2010 г. в нескольких номерах “The New Yorker” была напечатана серия интервью Дж. Кассиди с ведущими представителями чикагской школы. Последние попытались простым языком объяснить причины кризиса и невозможность его преодоления с помощью мер в духе кейнсианского регулирования. Они стремились убедить читателя и в незабываемости для экономической науки предпосылок эффективности и рациональности. Широкой публике были адресованы книги Нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и Дж. Акерлофа (совместно с Р. Шиллером), обсуждавших пробелы и ошибки экономической теории и поставивших вопрос о переориентации теоретических исследований и реформировании экономической науки [Стиглиц, 2011; Акерлоф, Шиллер, 2010].

Одним из ярких свидетельств изменения отношения в обществе к экономистам и экономической науке стали слушания в комитете Конгресса США по науке и технологиям (июль 2010). Они были посвящены не выяснению позиции ведущих экономистов по вопросу о том, какие меры следует предпринять для преодоления кризиса, в чем не было бы ничего необычного, а состоянию экономической науки и надежности ее инструментария. На эти слушания были приглашены Р. Солоу и профессор университета Миннесоты и сотрудник Федерального банка Миннесоты В. Чери.

Как представитель *mainstream economics* Солоу был вынужден признать, что доминирующей макроэкономике нечего сказать по существу проблемы кризиса. Он указал также на ограниченность самого популярного инструмента современного макроэкономического анализа – модели DSGE, и подверг критике принцип репрезентативного агента, лежащий в ее основе [Solow, 2010]. Чери признал состояние макроэкономики вызывающим беспокойство и даже назвал одну из важных причин – недостаточное финансирование соответствующих исследований. Он, в частности, заявил, обращаясь к членам комитета: “...если мы хотим предотвратить следующий большой кризис, единственный способ сделать это – направить больше ресурсов в современную макроэкономику с тем, чтобы мы смогли привлечь лучшие умы всего мира к исследованию и развитию макроэкономики мейнстрима” [Chari, 2010]. Сама по себе эта фраза свидетельствует о том, что ее автор вполне в духе scientизма надеется с помощью хорошей теории предотвратить очередной кризис. Хотя возможно, что в данном случае присутствует стремление просто убедить конгрессменов в необходимости увеличения ассигнований на экономические исследования.

Говоря о вине экономистов, не следует забывать о других действующих лицах драмы. Финансовый бизнес, опираясь на финансовую теорию и/или просто стремясь использовать ситуацию слабого регулирования, чтобы получить сверхвысокие прибыли, проводил слишком рискованные операции. В частности, ссуды на жилье предоставлялись людям, не имеющим шансов их выплатить, порождая тем самым пирамиды ненадежных обязательств. При этом на каждом этапе участникам процесса оказывалось выгодно закрывать глаза на сомнительность осуществляемых операций [Wray, 2011^a].

Более того, общество с готовностью восприняло идею, что финансовый сектор сам по себе может обеспечить рост благосостояния. Со своей стороны, власти США,

желая существенно расширить класс собственников жилья, поддерживали дешевый кредит и одновременно, веря в идею рыночной эффективности, предпочитали не вмешиваться в происходящее, полагая, что лекарство может стать опаснее самой болезни. В конечном счете, жертвами и участниками этой игры оказались миллионы людей⁵.

Хотя обвинения экономистов в неспособности предвидеть кризис стали общим местом, было бы неверно считать, что никто из них не высказывал опасения по поводу складывающейся, прежде всего в финансовой сфере, ситуации. *После* того, как кризис произошел, в огромной массе различных оценок и прогнозов всегда можно найти те, которые оправдались.

То, что на американском рынке закладных складывается тревожная ситуация, отмечали многие экономисты. Еще в 2005 г. “*Journal of Economic Perspectives*” опубликовал несколько статей, посвященных этой теме. В одной из них, где рынок закладных рассматривался в исторической перспективе, указывалось на потенциальный риск, исходящий из недостаточно жесткого регулирования печально известных компаний Fannie Mae и Freddie Mac [Green, Wachter, 2005]. В другой статье, непосредственно посвященной деятельности этих компаний, отмечалось, что их специфический статус и особая роль на рынке закладных создают угрозу стабильности [Frame, White, 2005]. Сегодня широко известен прогноз Н. Рубини, сделанный на ежегодной конференции МВФ в сентябре 2006 г., согласно которому кризис должен был начаться в 2007 г. [Roubini, 2006].

Были сделаны и прогнозы, которые в большей степени можно рассматривать как качественные. Вполне определенно и доказательно о потенциальной опасности серьезных потрясений говорил в 2005 г. тогдашний главный экономист МВФ Р. Раджан. Проанализировав институциональные изменения, произошедшие в американской и мировой финансовых системах, он пришел к выводу, что результатом стало принятие большего риска всеми участниками рынка и, как следствие, большая уязвимость всей системы. “Хотя очень трудно говорить что-нибудь определенное о таких сложных объектах, как современная финансовая система, имевшие место изменения, возможно, способствуют тому, что финансовый сектор проявляет большую процикличность, чем в прошлом. Они также создают большую (хотя все еще маленькую) вероятность катастрофического обвала. К сожалению, мы не можем узнать, существуют ли на самом деле серьезные причины для беспокойства, пока система не будет подвергнута испытанию” [Rajan, 2005^a, p. 30].

Рассуждения Раджана (см. ниже [Rajan, 2005^b]) заставляют вспомнить статью Малинво 20-летней давности, в которой говорилось, в частности, что возникновение финансовых кризисов, которые никто не может контролировать, возможно, имеют низкую вероятность, но экономисты не должны, тем не менее, исключать их из рассмотрения”. Сегодня эти слова как никогда актуальны.

Возникает вопрос, какой должна быть теория, не исключаяющая подобных событий, или – в более мягкой форме – какой она не должна быть. И до кризиса для многих было очевидно, что гипотезы рациональности и репрезентативного агента исключают возникновение эмерджентных свойств системы, в том числе ситуацию, когда преимущества получают иррациональные агенты и возникает, например, ситуация пузыря. Также звучали призывы более внимательно относиться к истории, поскольку какими бы уникальными ни казались обстоятельства конкретного кризиса, история дает примеры до некоторой степени аналогичных ситуаций, например того, как стремление финансового бизнеса к высоким прибылям, используя новые и не подпадающие под регулирование финансовые инструменты, провоцирует финансовые потрясения. Так, как будто бы предвидя нынешнюю ситуацию, “*Экономист*” писал в ноябре 1907 г.: “Финансовый кризис в Америке в действительности является моральным кризисом.

⁵ О последствиях подобной ситуации можно судить, например, по масштабам падения чистой стоимости реальных активов американских домохозяйств: с I квартала 2008 по I квартал 2009 г. она упала с 16 трлн до 10 трлн долл., вызвав самое значительное за послевоенный период снижение объема потребления [Sinai, 2010, p. 26].

Американская публика получила многочисленные доказательства относительно вызвавших его причин, суть которых состояла в том, что ведущие финансисты, контролирующие банки, трастовые компании и промышленные корпорации часто ведут себя неблагоразумно рискованно, а нередко и нечестно. Они плохо управляли трастовыми фондами и свободно использовали их средства для спекуляций, вызвав беспокойство вкладчиков и общий коллапс кредита” (цит. по [Voianosky, 2011, p. 173]).

Список как предостережений, так и примеров из истории может быть продолжен. Проблема не только в том, что предостережения игнорировались как подавляющим большинством экономистов, так и политиками и обществом, но и в том, что невозможно свести воедино всё имеющееся знание и факты, относящиеся к циклам и кризисам. Кроме того, экономическое сообщество в силу психологических, институциональных и прочих обстоятельств склонно сохранять приверженность сложившимся представлениям. Показательно, что уже упоминавшееся выступление Рубини, содержащее прогноз кризиса, было встречено с насмешкой. Через год С. Мим в статье, которая очень способствовала широкой известности Рубини, писал по этому поводу следующее: «Когда Рубини после выступления сошел с трибуны, председательствующий саркастически заметил: “Я думаю, после этого нам следует выпить чего-нибудь крепкого”. И люди засмеялись, причем не без причины» [Mihm, 2008]. Однако после сентября 2007 г. ситуация резко изменилась, и теперь Рубини – заслуженно или нет – один из самых известных экономистов.

Проблема прогнозирования в ее широкой постановке чрезвычайно сложна и, безусловно, выходит за рамки данной статьи. Выскажу лишь несколько соображений. Прежде всего сам тот факт, что экономисты не смогли предсказать начало кризиса, не представляется особенно существенным с точки зрения оценки качества экономической науки. Более того, то, что некий прогноз реализовался, еще не гарантирует правильности модели, лежащей в его основе, и гарантии правильного прогноза в будущем. Острота реакции как общества, как и профессионального сообщества, на то, что для экономистов кризис оказался неожиданным, во многом объясняется завышенными ожиданиями относительно возможностей науки, которые, как оказалось, распространены не только в обществе, но и среди экономистов.

Экономическая наука сегодня высокоспециализирована, располагает развитым формальным инструментарием, имеет собственный язык и институциональную структуру. Как уже отмечалось, в любой достаточно зрелой дисциплине качество инструментария, по крайней мере для профессионалов, приобретает первостепенное значение. В значительной степени этим и объясняется возможность консенсуса. В современной макроэкономике такой основой является модель DSGE. При этом она, в конечном счете, предлагает определенное видение экономики и экономической науки, в целом соответствующее *mainstream economics*.

В отличие от других дисциплин, экономическая наука в каком-то смысле находится внутри своего предмета, активно влияя на него различными способами. Экономические процессы представляют собой результат взаимодействия экономических агентов, принимающих решения на основе ограниченного и несовершенного знания под влиянием мер, осуществляемых политиками и предлагаемых экономистами, которые располагают *несовершенным и ограниченным знанием*. Очевидно, что при таком подходе центральными понятиями должны стать понятия неопределенности и ограниченности знания. А прогноз следует понимать так, как это предлагал Ф. Хайек, а именно, как *pattern prediction* – единственно возможный тип прогноза в общественной науке [Hayek, 1989].

Признание того, что экономическая наука укоренена в реальности, также означает, что этический компонент присутствует на уровне эпистемологии, поскольку то, что “она создает, становится проблемой этического выбора и зависит от ценностей общества, в которое укорена эта научная субкультура, а также от научной культуры” [Boulding, 1969, p. 3]. Для экономической науки как профессиональной деятельности это означает, что экономисты несут (должны нести) ответственность не только

профессиональную за качество результатов, но и социальную – за идеи, которые они предлагают обществу и за следствие практических рекомендаций, а также за соблюдение профессиональной этики. Отсюда требования информировать общество об ограничениях моделей, об опасностях, связанных с возможным использованием их результатов, а также призывы ввести для экономистов нечто, похожее на клятву Гиппократа, и обучать будущих экономистов основам профессиональной этики [De Martino, 2011].

Что же касается предметного поля, то здесь можно наблюдать некоторый сдвиг в сторону проблематики ценностей, справедливости, неравенства, доверия и т.п. Причем это имеет место в рамках институциональной экономики, экономической социологии, теории общественного выбора и других направлений, как относящихся, так и не относящихся к *mainstream economics* (см., например, [Roubini; 2011, Wisman, Baker, 2011]).

После кризиса: что может произойти?

Размышляя о возможных последствиях кризиса для экономической науки, следует иметь в виду, что те процессы, которые мы можем наблюдать, представляют собой как непосредственную реакцию на кризис, так и проявление долгосрочных тенденций развития науки. И разделить эти процессы вряд ли возможно.

Экономическая наука (как и любая другая) представляет собой единство нескольких взаимосвязанных составляющих, или граней. Как область знания она представлена предметной областью, инструментарием и методологией, как научная дисциплина – отношением с другими дисциплинами, разделением труда внутри, как профессиональная деятельность – институциональными и организационными факторами (включая относящиеся к образованию и участию экономистов в решении практических вопросов), а также нормами поведения экономистов и их отношением с обществом.

В истории экономической науки принято называть две научные революции – маржиналистскую и кейнсианскую⁶, в ходе которых изменения затронули все три аспекта. Что касается первой революции, то она повлекла за собой возникновение того, что принято называть чистой теорией, и соответствующего формального инструментария, способствовала также профессионализации экономики и формированию ее институциональной структуры. Вторая революция происходила на фоне бурного развития чистой теории, формального инструментария, прикладных исследований. Это также был период формирования современной системы исследовательской специализации и разделения труда, что и позволило достичь высокого уровня экономических исследований. Несмотря на то, что практическая политика нуждается в некотором обобщенном знании, а глубокая специализация научных исследований затрудняет получение подобного знания, нет оснований ожидать, что процесс специализации может замедлиться. Против подобного развития событий действуют логика поведения экономистов как рациональных индивидов, стремящихся достичь определенного профессионального статуса, а также сложившаяся и воспроизводящаяся институциональная структура науки и системы образования.

О сохранении тенденции дальнейшей специализации, а также, возможно, о повышении интереса к макроэкономике после некоторого спада [Piatti, Torgler, 2011] можно судить, например, по такому факту. В 2009 г. Американская экономическая ассоциация начала выпускать сразу четыре новых высокоспециализированных ежеквартальных журнала: “AEJ: Applied Economics”, “AEJ: Economic Policy”, “AEJ: Macroeconomics”, “AEJ: Microeconomics”. В том же году появились новые ежегодные издания – “Annual Review of Financial Economics”, “Annual Review of Resource Economics”.

⁶ Я не касаюсь вопросов о том, насколько правомерно применительно к экономической науке использовать термин “научная революция” в смысле Т. Куна и какой может быть продолжительность революционного сдвига.

Что касается предметной области, то здесь набор проблем оставался достаточно стабильным. Так, анализ публикаций в “Economic Journal” за более чем столетний период показывает, что проблемы занятости и заработной платы (включая гендерные аспекты), денег и инфляции, денежной политики, цикла находили отражение на страницах журнала на протяжении всего периода его существования. Разумеется, в период Великой депрессии внимание к проблемам циклов и кризисов возросло. В этом легко убедиться, обратившись к журналу за 1929–1933 гг., на страницах которого можно обнаружить публикации, отражающие дискуссию, в которой участвовали А. Пигу, Р. Хоутри, Дж. Белерби, Г. Клей, Э. Кеннан и др.

В 2009–2011 гг. в “AEJ: Macroeconomics” больше половины публикаций составляли статьи, посвященные проблемам занятости и рынка труда, инфляции, рынка денег и финансам, экономической политике. Свидетельством некоторого сдвига предметного поля можно считать достаточно высокий процент статей в этом журнале, посвященных долгосрочной динамике⁷ (их примерно такое же количество, как и посвященных экономической политике), а также статей по проблемам институтов и демократии и их влияния на экономическое развитие.

Кризис 2008–2009 гг. способствовал повышению интереса не столько к проблеме цикла, сколько к процессам, которые лежат в основе макроэкономической динамики. Имеются в виду поведение агентов в условиях неопределенности и их взаимодействие; поведение финансовых институтов как организаций со сложной структурой и активных игроков на рынке капитала; влияние институциональных факторов на устойчивость финансовой системы; эффективность регулирующих механизмов.

Можно ожидать, что кризис придаст дополнительный импульс развитию некоторых разделов экономической науки. Возможно, что поведенческая теория и эволюционная экономика окажутся в некотором смысле выигравшими от него. Оба направления возникли несколько десятилетий назад под влиянием процессов внутри экономической теории и достижений других дисциплин. Они имеют существенную эмпирическую составляющую в большей степени, чем многие другие направления, открыты различным идеям и концепциям, они не претендуют на создание всеобъемлющих теоретических конструкций и, можно сказать, “менее самодовольны”. Эти особенности выглядят преимуществами в условиях, когда в адрес *mainstream economics* нередко звучат обвинения в синдроме “претензии знания” (см., например, [Caballero, 2010]), не говоря уже о ставших традиционными обвинениях в отрыве от реальности. В этих направлениях была признана ограниченность модели рационального поведения и принципа репрезентативности, а благодаря появлению новых инструментов – симуляционному методу и компьютерному моделированию предложены модели, описывающие результаты взаимодействия гетерогенных агентов.

Поведенческая теория позволяет в числе прочего понять значение для рынка различных психологических характеристик людей, в частности их склонности к экстраполяции текущего положения на будущее, и тем самым объяснить механизмы возникновения финансового пузыря и его “схлопывания”. Замечу, что представители этого направления были одними из первых, кто перед кризисом 2001 г. выражали беспокойство по поводу пузыря на рынке “доткомов”. Отмечу также, что последняя книга Р. Шиллера и Д. Акерлофа “Animal spirits” [Акерлоф, Шиллер, 2010] – по существу гимн иррациональности, а ее название отсылает нас к Кейнсу и его представлениям о психологии финансовых спекулянтов.

Оба эти направления работают с процессами на микроуровне, причем макроуровень рассматривается не как результат формальных процедур агрегирования, а как следствие процессов взаимодействия агентов в сложной системе, в которой присутствуют факторы неопределенности и риска и допускаются возникновения эмерджентных свойств. При таком подходе открывается перспектива преодоления разрыва между

⁷ Долгосрочной динамике в связи с технологическими изменениями посвящен ряд статей в “Annual Review of Economics” за 2009–2011 гг.

макро- и микроуровнями анализа. Замечу также, что признаки размывания границы между микро- и макро- можно заметить, если обратиться к содержанию уже упоминавшихся журналов “AEJ: Macroeconomics” и “AEJ: Microeconomics”.

Исследования в рамках поведенческой экономики, направленные на раскрытие “черного ящика” принятия решений на индивидуальном уровне, возможно, получают поддержку со стороны других дисциплин. Косвенным свидетельством этого можно считать появление на страницах ведущих экономических журналов обширных материалов, посвященных нейроэкономике и генетике. Однако в случае значительного сдвига в сторону “методологического психологизма” неизбежно возникнет сложный вопрос о разграничении предметных областей и методов экономической науки, психологии и социальной науки [Hudik, 2011].

В макроэкономике весьма вероятно повышенное внимание к финансовой системе, сыгравшей значительную роль в кризисе 2008–2009 гг. Речь идет о признании и соответствующем отражении в моделях того факта, что финансовая система функционирует по рыночным законам и не может рассматриваться просто как канал перелива ресурсов. Кризис показал, что финансовые посредники ведут себя как экономические агенты, занятые поиском прибыли, и в этом качестве они и должны присутствовать в макромоделях.

Сегодня иногда высказываются смелые предложения заменить гипотезу эффективности гипотезой адаптивных рынков, основываясь на объединении принципов поведенческой экономики и эволюционной теории (обучение, адаптации, отбор) [Lo, Muller, 2010]. Однако в ближайшей перспективе вероятность этого весьма мала, поскольку принятие “идеологии” эволюционной теории означает изменения всего здания экономической теории. Профессиональное сообщество в целом к этому не готово и полагает, что развитие теории возможно и в рамках сложившейся парадигмы.

* * *

Мировой экономической и финансовый кризис 2008–2009 гг. стал шоком для экономического сообщества. Он обнажил серьезные пробелы в теории, подорвал веру общества в надежность экономического знания и заставил усомниться в объективности и научной добросовестности экономистов. Развитая и специализированная наука со сложной институциональной структурой достаточно устойчива к подобным внешним воздействиям, и нет оснований ожидать скорого и радикального изменения сложившейся парадигмы. Однако экономическая наука подобно реальной экономике, по-видимому, вступила в период неустойчивости, для которого характерны усиление разногласий, обострение дискуссий по широкому кругу вопросов, включая вопросы о базисных гипотезах и методологии науки.

Какой бы устойчивой ни была институциональная структура науки, нельзя исключить появления сообществ и организаций, противостоящих “академическим” структурам. Наиболее ярким примером здесь может служить Институт нового экономического мышления (INET), недавно созданный и финансируемый Дж. Соросом. Его задачей является формирование и распространение нового видения экономических проблем и новых подходов к их решению. При этом выполнение поставленной задачи связывается не с убеждением академического сообщества отказаться от старых принципов и идей (задача, очевидно, практически невыполнимая), а с воспитанием нового поколения экономистов, носителей нового экономического мышления. Именно со сменой поколений, а не с отказом от старой парадигмы сложившимся сообществом экономистов (как это предполагает, например, теория Куна), и может быть связана в будущем перестройка экономической науки. В этом случае, используя терминологию эволюционной теории, мы сможем сказать, что развитие экономической науки происходит в соответствии с популяционной, а не трансформационной моделью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акерлоф Д., Шиллер Р.* Spiritus Animalis. Как человеческая психология управляет экономикой. М., 2010.
- Кейнс Дж.М.* Экономические возможности для наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6.
- Стиглиц Дж.* Крутое пики. М., 2011.
- Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6.
- Arrow K.* Some Development in Economic Theory Since 1944. An Eyewitness Account // Annual Review of Economics. 2009. Vol. 1.
- Blanchard O.* The State of Macro // NBER Working Paper # 14259. August 2008 (<http://www.nber.org/papers/w14259>).
- Boianovsky M.* Wicksell on the American Crisis of 1907 // Journal of the History of Economic Thought. 2011. Vol. 33. № 2.
- Boulding K.* Economics as a Moral Science // American Economic Review. 1969. Vol. 59. № 1.
- Caballero R.J.* Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24, № 4.
- Chari V.V.* Testimony before the Committee on Science and Technology, Subcommittee on Investigations and Oversight. US House of Representatives. July 20, 2010 (http://people.virginia.edu/~ey2d/Chari_Testimony.pdf).
- Chari V.V., Kehoe P.J.* Modern Macroeconomics in Practice: how Theory is Shaping Policy // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. № 4.
- De Martino G.F.* The Economist's Oath: on the Need for and Content of Professional Economic Ethics. Oxford, 2011.
- Do Economists Make Market? On the Performativity of Economics. Princeton, 2008.
- Financial Economics. Efficiency and Beyond // The Economist. July 16, 2009 (<http://www.economist.com/node/14030296>).
- Frame W.S., White L.J.* Fussing and Fuming over Fannie and Freddie: how Much Smoke, how Much Fire? // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. № 2.
- Galbraith J.K.* The Roots of the Crisis and How to Bring It to Close // Crisis: Causes, Consequences, and Our Futures. Hoboken (N.J.), 2011.
- Gärtner M., Griesbach B., Jung F.* Teaching Macroeconomics after the Crisis: a Survey among Undergraduate Instructors in Europe and the U.S. // School of Economics and Political Science, Department of Economics, University of St. Gallen. Economic Working Paper Series No 201120. May 2011 (<http://ideas.repec.org/p/usg/econwp/201120.html>).
- Green R.K., Wachter S.M.* The American Mortgage in Historical and International Context? // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. № 4.
- Hayek F.* The Pretence of Knowledge // American Economic Review. 1989. Vol. 79. № 6.
- Hudik M.* Why Economics is not a Science of Behaviour // Journal of Economic Methodology. 2011. Vol. 18. № 2.
- Keynes J.M.* Can Germany Pay the Last Reparation Demands? // Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 17. London, 1977.
- Krugman P.* How Did Economists get It so Wrong? // The New York Times Magazine. September 2, 6, 20, 2009.
- Lawson T.* The Current Economic Crisis: Its Nature and the Course of Academic Economics // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. № 4.
- Lo A.W., Muller M.T.* Warning: Physics Envy may be Hazardous to Your Wealth // Journal of Investment Management. 2010. № 8.
- Lucas R.* Macroeconomic Priorities // American Economic Review. March 2003. Vol. 93.
- Mihm S.* Dr. Doom // The New York Times Magazine. August 15, 2008.
- Piatti M., Torgler B.* Testing William Baumol's "Towards a Newer Economics: the Future Ahead!" // QUT School of Economics and Finance Working/Discussion Paper # 264. February 2011.
- Rajan R.G.* Has Financial Development Made the World Riskier? // NBER Working Paper No. w11728. 2005⁶ (<http://www.nber.org/papers/w11728>).
- Rajan R.G.* The Greenspan Era: Lesson for the Future / Speech at a Symposium. Jackson Hole (Wyo). August 27, 2005^a (<http://www.imf.org/external/n>).
- Roubini N.* The US Recession Risk is Now as Strong as Ever... Hard Landing Ahead! (<http://www.economic-monitor.com/nouriel/2006/09>).

Roubini N. Why Inequality Will Only Lead to Our Downfall // *Economy Watch*. October 19, 2011 (<http://www.economywatch.com/economy-buiseness-and-finance-news/why-inequality>).

Samuels W.J. The Making of a Relativist and Social Constructivist // *Journal of Economic Issues*. March 1995. Vol. 2.

Shackle G.L.S. The Years of High Theory: Invention and Tradition in Economic Thought, 1926–1939. Cambridge, 1967.

Sinai A. The Business Cycle in a Changing Economy: Conceptualization, Measurement, Dating // *American Economic Review: Papers and Proceedings*. 2010.

Solow R. Building a Science of Economics for the Real World. Testimony before the Committee on Science and Technology, Subcommittee on Investigations and Oversight. US House of Representatives. July 20, 2010 (<http://www2.econ.iastate.edu/classes/econ502/tesfatsion/Solow.stateofMarco.CongressionalTestimony.July2010.pdf>).

The State of Economics. The Other-Worldly Philosophers // *The Economist*. July 16, 2009 (<http://www.economist.com/node/14030296>).

Wisman J.D., Baker B. Increasing Inequality, Inadequate Demand, Status Insecurity, Ideology, and the Financial Crisis of 2008 // American university (D.C.) Working Paper No. 1–12-1 (<http://www.american.edu/cas/economics/pdf/upload/2011-1.pdf>).

Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // *AEJ: Macroeconomics*. 2009. Vol. 1. № 1.

Wray L.R. The Dismal State of Macroeconomics and the Opportunity for a New Beginning // *Levy Economics Institute of Bard College Working Paper No. 652*. March 2011⁶ (http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_652.pdf).

Wray L.R. Lessons We should have Learned from the Global Financial Crisis but Didn't // *Levy Economics Institute of Bard College Working Paper No. 681*. August 2011^a (http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_681.pdf).

© Н. Макашева, 2012